

Стефан Каста

Лето Мари-Лу

*Перевод со шведского
Марины Конобеевой*

Москва **КомпасГид**
издательский дом

2018

УДК 821.113.6-93
ББК 84(4Шве)
К28

Перевод опубликован при финансовой поддержке Шведского совета по культуре

Автор обложки — Маргарита Чечулина (Greta Berlin)

Каста, Стефан.

К28 *Лето Мари-Лу* : [для ст. шк. возраста : 16+] / Стефан Каста ; пер. со швед. М. Конобеевой. — М. : КомпасГид, 2018. — 256 с. — (Подросток N). ISBN 978-5-00083-451-0

Три года. Огромный срок, когда тебе пятнадцать. Три года Адам не видел Мари-Лу, и за это время жизни обоих круто изменились. Во-первых, они перестали быть наивными детьми, верящими в чудеса. Во-вторых, они научились разбираться в своих чувствах. В-третьих, Мари-Лу больше не может ходить — она прикована к инвалидной коляске.

Долгие тридцать шесть месяцев, пятая часть всей их жизни, оказываются несущественными: дружба — больше, чем дружба! — возрождается стремительно и теперь как будто бесповоротно. Адам приглашает Мари-Лу провести лето в загородном доме — отдохнуть, подышать свежим воздухом, побыть вместе, повспоминать. А что-то и позабыть навсегда.

Деревенский быт и замкнутое пространство вынуждают подростков понимать друг друга вопреки всем препятствиям. Даже больше — понимать, что каждый видит мир по-разному, а чтобы полюбить человека по-настоящему, нужно уметь «настраивать оптику» под него. Из посторонних, какими они были в начале этого лета, юноша и девушка станут близкими людьми — но такая близость достигается только через испытания.

В героях серии «Подросток N» читатели от 13 лет без труда узнают себя. Персонажи этих книг когда с интересом, когда с радостью, а когда и с ужасом осознают: мир — намного сложнее, чем им казалось в детстве. А в сложности этой — новые возможности и новые открытия. Роман «Лето Мари-Лу» уже выходил в серии «Поколение www.» и стал откровением для тысяч российских читателей — именно по их просьбам «КомпасГид» и переиздает его.

Стефан Каста — лауреат премий им. Астрид Линдгрен и им. Августа Стриндберга, обладатель почетного знака Нильса Хольгерссона, признанный мастер детской и подростковой литературы в Швеции. Повесть «Лето Мари-Лу» — история о взрослении, поначалу выдержанная в холодном стиле, но постепенно теплеющая и открывающаяся перед читателем так же, как герои открываются друг перед другом.

УДК 821.113.6-93
ББК 84(4Шве)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published as «Fallet Mary-Lou» by Bokförlaget Opal

© Stefan Casta, 1997

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

ISBN 978-5-00083-451-0

Это был цейтнот. Во всяком случае, для меня. После обеда у нас урок рисования на пленэре, а я отстал от остальных и теперь опаздывал. Выйдя из метро в районе Сканстуль, я ввинтился в людской поток.

Как обычно, я бросил взгляд на витрину рыбного магазина. Рекламировали свежее мясо акулы катран, и, переходя дорогу, я задумался о том, как его готовят: варят или жарят.

Я очнулся от своих мыслей, когда два парня в кабриолете «Пежо 204» посигналили мне. Я устремился к тротуару. Под мышкой я держал большую папку с эскизами и рисунками, которые нужно было доделать дома.

Помню, я подумал, что вот уже и лето на носу. Первый раз в этом году я увидел кабриолет. Был теплый апрельский день, над Сёдером* светило бледное, почти серебристое солнце.

Может, из-за этих мыслей о лете я ничего не замечал вокруг себя. Меня уже переполняли планы и легкое беспокойство.

Внезапно ногу пронзила острая боль. Затем я растянулся на тротуаре во весь рост. Вокруг легкомысленно порхал целый сонм белых ангелочков.

* Сёдер — полное название Сёдермальм, район в центре Стокгольма. (Здесь и далее — примеч. пер.)

Я стоял на четвереньках и глупо озирался. Правая нога ужасно болела. Ангелочками оказались листы из моей папки, ветер кружил их над Гётагатан. На тротуаре лежала гора библиотечных книг. В чувство меня привела девушка, сидевшая передо мной в инвалидной коляске. Она была вне себя от гнева.

— Смотри себе под ноги! — прошипела она.

Люди останавливались и неуклюже пытались поймать разлетавшиеся листы. Я ползал по тротуару на коленках и собирал книги. Безусловно, это была моя вина. Должно быть, я налетел прямо на коляску, запрыгивая на тротуар. Со стороны могло показаться, будто я столкнулся с автобусом передвижной библиотеки. Наконец я поднялся на ноги.

— Слушай, мне ужасно жаль, — сказал я и протянул девушке стопку книг.

Она посмотрела на меня печальным взглядом, и я понял, кто передо мной.

— Мари-Лу! — воскликнул я.

Она выглядела весьма элегантно. Кончики длинных каштановых волос ровно подстрижены. Совершенно другой человек. Мари-Лу не узнала меня. Я видел, что ей трудно вспомнить, кто я такой.

— Адам! — воскликнул я. — Это же я, Адам из деревни!

Наконец она, кажется, вспомнила меня и сказала:

— Здорово, что мы встретились.

— Я давно собирался позвонить тебе.

Я не стал ей объяснять, почему до сих пор не сделал этого.

Рядом затормозил автомобиль. Мои рисунки вызвали настоящий хаос на проезжей части.

— Собирай скорее, иначе их сдует на Рингвэген, — сказала Мари-Лу.

Припадая на правую ногу, я побежал по улице. Было больно. Большая часть листов лежала в сточной канаве. Один за другим я выудил их оттуда. Несколько мальчишек помогали мне. Хромая, я вернулся к Мари-Лу. Она следила за мной взглядом.

Прохожие случайно толкали нас, торопясь пробиться вперед. Мари-Лу нерешительно взглянула на меня, словно спрашивая, что нам делать дальше. Я рассматривал книги, в беспорядке лежавшие у нее на коленях.

— Давай зайдем туда, — сказал я и кивнул в сторону «Макдоналдса».

Коляска Мари-Лу направилась ко входу. Я попытался идти рядом с ней, но мешал поток людей, выходивших из кафе, и я пошел впереди. Мы расположились у окна. Она вытирала книги салфеткой. Две черные галки сидели на тротуаре. Птицы уставились на нас цепким взглядом. Мне захотелось нарисовать их, но сейчас было неудобно.

Вместо этого я принялся рассматривать Мари-Лу. Вглядывался в мелкие детали ее облика, которые упустил раньше: зеленая кожаная сумка фирмы «Малберри», синий шелковый шарф, элегантно повязанный под воротник светлого пальто. Она была похожа на юную стюардессу. Настоящая аристократка. Хотя я давно знал ее и был в курсе, что это вовсе не так.

— Как твоя голова, все так же кружится? — спросила она, аккуратно положив на колени последнюю книгу.

— Даже чаще, чем раньше, — сказал я и рассмеялся.

Она задумчиво посмотрела на меня, словно пытаюсь себе что-то уяснить.

— Ты изменился.

— Не так сильно, как ты, — ответил я.

Я не знал, как продолжить разговор. Она тоже. Мы стояли и молчали. Тогда я решил рассказать о своих планах:

— Я поеду за город на все лето и буду жить в нашем доме один. Свежий воздух и все такое.

— Правда? — удивилась она.

— Конечно. Я и так здесь почти всегда один, у папы вечно какая-нибудь работа. Сам о себе забочусь, ну и о папе, когда он дома.

Мы опять замолчали.

— А ты приезжай ко мне! — предложил я. — Я как раз собирался позвонить тебе и поболтать об этом.

— Не уверена, что захочу снова поехать туда.

— Все равно, имей в виду.

Она кивнула.

— Ты живешь здесь, в Сёдере? — спросил я, удивившись про себя, что не видел ее раньше.

Она покачала головой:

— Нет, мы с подругой договорились встретиться здесь неподалеку. Ее зовут Мона. Мы поем в хоре в церкви Святой Софии. Но я слишком рано приехала.

— Там похоронили мою бабушку, — сказал я.

Она открыла зеленую кожаную сумку, достала маленький золотистый листок и протянула его мне.

Я уставился на него — визитная карточка. МариЛу Арвнелль. Адрес в районе Остермальма: Сибиллегатан, 13. Номер телефона.

— Твоя мама вышла замуж?

Мари-Лу кивнула.

— А твой отец все так же живет на хуторе?

Она снова кивнула. Я подумал о том, сколько же ей пришлось пережить. Сколько времени прошло? Неужели три года? Да, точно. Если я в чем и уверен, то именно в этом — летом будет три года.

— А как дела с этим? — спросил я и едва заметно кивнул на коляску.

Она пожала плечами и ответила небрежным тоном: — Всё в порядке. Начинаю привыкать. Когда мы сюда переехали, я всем говорила, что упала с Эйфелевой башни. Чтобы в школе меня оставили в покое. Мона говорит, что со мной было чертовски трудно, — усмехнулась она и повторила: — Но сейчас всё в порядке. Ничего особенного.

Я подумал, что это не так. Посмотрел на часы и понял, что мне пора. Сегодня среда. Моя команда юниоров по флорболу* должна вот-вот закончить игру. Мне нужно зайти в «Метро» купить чипсы и ящик лимонада, а еще успеть приготовить папе что-нибудь съедобное. Он должен вернуться домой из Аммана.

Мы познакомились благодаря моему папе. Он общался с родителями Мари-Лу. Полагаю, что он и ее мама поддерживали контакт даже после того, как они переехали.

— Сегодня вечером папа возвращается из Иордании, — сказал я.

— Он все так же много путешествует?

— Даже еще больше.

Я сунул золотистую визитку в карман джинсов и попрощался с Мари-Лу.

* Флорбол — похожая на хоккей игра с пластиковым мячом и клюшками, проводится в зале.

— И все же, подумай, — сказал я напоследок.

— Не могу обещать, — ответила она.

— Я тебе позвоню.

Я позвонил через несколько дней, в субботу. Мари-Лу смотрела телевизор. Мы немного поболтали. Я понял по ее голосу, что теперь она окончательно вспомнила меня. Она сказала, что разговаривала обо мне с мамой и та передала привет моему отцу.

Еще она сказала, что это странно, что мы так вот столкнулись. Я ответил, что такое происходит со мной постоянно.

Я продолжал звонить. Иногда попадал на автоответчик и тогда клал трубку. Она никогда не звонила первой. Бывало, ее голос звучал раздраженно и расстроено. В таких случаях мы разговаривали совсем недолго.

Я спросил, что она думает о моем предложении. Она ответила, что еще не знает. Но мне показалось, что она все уже решила.

Глава 1

Рано утром меня будят крики серебристых чаек. Я лежу под красным одеялом и слушаю их. Издалека доносится приглушенный рокот рыбацкого катера, и мне кажется, что его мотор стучит, словно встревоженное сердце, быстро и тяжело, по сравнению со спокойным дыханием озера. Я пытаюсь дышать в такт волнам. Тихо, сердечко, успокойся. Я медленно вдыхаю и выдыхаю, вдыхаю и выдыхаю. Так же, как волны.

Снова засыпаю.

Солнечно, небо ясное, так я запишу в дневнике. Позже, когда проснусь. *«Солнечно, небо ясное. Температура +19 °С, ветер слабый, юго-западный».*

Я ставлю кастрюлю с водой для чая на плиту, ногой распахиваю дверь, выхожу из дома и мочусь на высокие цветы иван-чая, украшающие торец дома. Солнце припекает шею. Утро. Я, прищурясь, смотрю на море. Самка большого крохалья* скользит по воде прочь от мостков, за ней цепочкой тянутся пушистые птенцы. Птица бросает на меня взгляд. Я насчитываю шестерых малышей, но вскоре замечаю еще одного, отставшего, плывущего слегка поодаль. «Поторопись, кроха», — шепчу я.

Я возвращаюсь в дом. Вода уже кипит, я быстро снимаю кастрюльку с плиты и бросаю в нее пакетик чая. Отрезаю от батона три ломтика и намазываю их плавленым сыром без масла.

* Большой крохаль — крупная утка с узким удлинённым клювом, обитающая на реках и озерах северной тайги.

Выхожу на улицу и сажусь на деревянную лавочку перед домом. В воздухе пахнет лесом. Несколько парусных лодок неуклюже пытаются поймать слабый ветерок. Таковы теперь мои будни: ветер и волны.

По траве пробегает трясогузка, я бросаю ей несколько кусочков хлеба, но она в два приема перелетает к берегу.

Я слышу звук, похожий на сдавленный смех, и поднимаюсь. Потягиваюсь всем сонным телом и иду к автофургону, чтобы покормить Сив и Рут. Из деревянной бочки в пристройке я беру пару горстей зерна.

— Цыпа-цыпа-цыпа! — подзываю я их.

Сив и Рут выскакивают через заднюю дверь фургона. Они раздраженно кудахчут, и я бросаю им зерна через сетку, которой огорожен старый автомобиль. Птицы жадно набрасываются на корм.

— Ну, вы неслись сегодня? — спрашиваю я. Но у них нет времени на болтовню, поэтому я открываю сетчатую дверцу и захожу на птичий двор. Сив бросается назад и недоверчиво смотрит на меня, но, видя, что Рут не обращает на меня внимания, тоже возвращается к своему запоздавшему завтраку. Я проверяю, достаточно ли воды в автоматической поилке.

Открываю переднюю дверь автофургона и, к своей радости, нахожу на пассажирском сиденье коричневое яйцо. Оно еще теплое, и я осторожно кладу его в карман.

— Славные девочки, — говорю я, осторожно закрываю дверь и пачусь прочь с птичьего двора.

«*Первое яйцо*», — запишу я в дневнике. Я иду в кладовку и кладу его в большую деревянную решетку для яиц. Одно яйцо как-то сиротливо смотрится в решетке

на тридцать штук. Но Сив и Рут нужно время, чтобы привыкнуть ко мне. Всем нужно время. Особенно мне.

Я беру с собой альбом для эскизов и неторопливо иду в хвойный лес. Это настоящий зачарованный лес с елями, чей возраст достигает нескольких сотен лет, а стволы — толщиной в несколько обхватов. Еще там есть солнечные прогалины и сырые болота, кажущиеся белыми от «заячьих лапок». Я усаживаюсь на траву, скрестив ноги, и начинаю рисовать лютики, имеющие довольно забавный вид. Цветы выглядят потрепанными, неполными. У некоторых — пять желтых лепестков, а у других вообще нет. Мне известно, что такое впечатление незавершенности характерно для вида «лютик золотистый». Под рисунком я подписываю его латинское название: *Ranunculus auricomus*, 14 июня.

Позже на лесной лужайке я нахожу белые цветы. Они так густо устилают землю, что образуют узор, как на лоскутном коврике. Повсюду сияют белые цветочки с зелеными трехдольными листьями. Я с радостью узнаю в них лесную землянику. Подумать только, неужели она еще цветет?

Записываю в дневнике: «В лесу Йона Бауэра полно земляники».

Вечером я сижу у окна за большим столом и наблюдаю, как озеро успокаивается после очередного дня с его лодками и чайками. Когда темнеет, я выхожу из дома и закрываю заднюю дверь фургона-курытника. Ветер сменился на юго-восточный. Он немного усиливается и доносит до меня шепот елей из леса.

— Спокойной ночи, девочки, — кричу я Сив и Рут, но не получаю ответа.

Какое-то время я стою, притаившись, и слушаю тихое сопение, доносящееся из темноты курятника. Затем возвращаюсь в дом.

Закрываю дверь избышки и, немного подумав, запираю ее на ключ. Не спрашивайте почему. Просто я — городской житель, не привыкший к уединенной жизни.

Я просыпаюсь посреди ночи. Не знаю, долго ли я проспал. По крыше барабанит дождь, и сначала мне кажется, что это он разбудил меня. Но вскоре я слышу какой-то глухой звук. Он доносится снаружи. Откуда-то поблизости.

Я беспокоюсь о Сив и Рут, потому что в лесу живут лисы, но звук идет не с птичьего двора.

Некоторое время я лежу тихо и прислушиваюсь. Мое сердце снова колотится, как лодочный мотор, быстро и глухо.

Я сажусь в кровати. Тут раздается: ба-бах! Я пытаюсь выглянуть в окно. Там сплошная темнота. Мне даже не удастся разглядеть, где заканчивается земля и начинается озеро.

В это самое мгновение черную ночь раскалывает длинная белая трещина, словно кто-то расстегивает светящуюся «молнию» от небес до самой поверхности озера. В сильной вспышке света я вижу все, что недавно было скрыто мраком: лодку у мостков, пустынный песчаный берег, высокий силуэт леса, автофургон, переделанный под курятник.

Я задерживаю дыхание. Успеваю сосчитать до трех.
И снова: ба-бах!

Я ложусь и съезживаюсь. С головой укрываюсь красным одеялом. В детстве я боялся грозы. Но теперь я уже не ребенок.

Когда я был маленьким, мы с папой и Бритт Бёрессон жили в этом домике.

Мы чудесно проводили здесь лето, пока не появлялась эта Бритт. Целыми днями я бегал и купался, как и все обычные мальчишки. Я обожал купаться. «Если будешь так долго сидеть в воде, у тебя между пальцами вырастут перепонки», — обычно говорила Бритт и хохотала во все горло.

Сначала я верил ее словам. Маленькие дети такие доверчивые. Однажды она крепко схватила меня за руку и потащила по мосткам к воде. Там она заставила меня прыгнуть, а сама кричала, чтобы я плыл к берегу, используя свои перепонки. Потом она спрыгнула с мостков на берег, стояла там и смеялась, пока я барахтался и кричал, что сейчас утону. Позже я понял, что Бритт ничего не смыслит в воспитании детей.

Наверное, из-за того случая я так никогда и не научился плавать. У меня появилась своеобразная водобоязнь. Я стоял на мелкоте как столб. Ко мне можно было пришвартовать лодку.

Позже я увлекся рыбалкой. Нашел место, где крохотная речушка с коричневой болотной водой впадала в озеро. В устье этой речки я ловил темно-зеленых, почти черных окуней.

Бритт всегда удивлялась, откуда я их беру. «Это очень далеко. За Норденом. На самом дальнем мысе», — объяснял я. Для меня это было где-то почти на краю света. Ничего дальше я не мог себе представить. Не знаю, бывала ли она когда-нибудь там.

По вечерам я лежал в постели и слушал, как надвигается гроза, а Бритт потягивала игристое вино и смеялась своим противным смехом, похожим на крик чайки.

Я думал: «Вот начинается гроза». Но молний долго не было. Лишь грохотало и грохотало.

Никогда не думал, что смех может звучать неприятно. Что он может портить настроение. Говорят, что глаза — зеркало души. Возможно, и смех тоже. Но я понял это не раньше, чем мы с Бритт Бёррессон свели счеты.

Утром небо чистое, словно вымытое. Оно сияет белоголубыми красками. Я проспал долго, слишком долго, но винил во всем ночное ненастье.

Я ставлю на плиту кастрюлю с водой, выхожу и мочусь на цветы иван-чая, а после бреду к автофургону.

Похоже, Сив и Рут тоже провели беспокойную ночь. Я подманиваю их, и они нехотя, покачиваясь, идут ко мне, останавливаются у задней двери, но не соскакивают вниз, пока я не бросаю им две горсти зерна.

Я не нахожу ни единого яйца. Ясно, что куры не в настроении после такой ночи.

Вернувшись в дом, снимаю с плиты кастрюльку и бросаю в нее чайный пакетик. Отрезаю два куска батона и намазываю их икрой. Наливаю чай в чашку и замечаю, что вода ледяная. Ничего не понимаю. Брызгаю

несколько капель на конфорку электроплиты. Она тоже холодная. Щелкаю выключателем лампы — не горит. Электричество отключили. Интересно, у нас вылетели пробки или причина в щитке на другой стороне бухты?

«Температура +13 °С, небо ясное, ветер северо-восточный, умеренный. После ночной грозы нет электричества», — пишу я.

Около полудня погода налаживается, и, когда я сижу на мостках, сквозь тучи внезапно пробивается солнце. Я снимаю свитер и позволяю своему бледному телу погреться.

Мне нравится здесь сидеть. Мостки построены на крупных угловатых каменных глыбах и мощных сваях, вбитых в дно. Сверху прибиты широкие половые доски, черные от смолы и белые от помета чаек. Здесь мог бы пришвартоваться даже теплоход, курсирующий по каналам. Бывало, папа шутил по этому поводу: «Однажды утром к нам причалит «Диана»^{*} или «Йуно». Но кроме одиноких лодок дачников, ищущих причал в неожиданное ненастье, здесь не встретишь суденышка крупнее, чем черная шлюпка Бритт.

Прищурившись, я смотрю на озеро и быстро делаю набросок. Мягкими карандашными линиями обозначаю бухту, глубоко врезающуюся в сушу и окруженную двумя длинными зелеными рукавами. На одном

^{*} «Диана» — круизное судно, построенное на верфи в Стокгольме в Швеции в 1931 году и эксплуатируемое на Гёта-канале по маршруту Гётеборг — Стокгольм — Гётеборг. Судами-близнецами являются «Йуно» и «Вильгельм Там».

из них сижу я. Это мой полуостров. Здесь лишь древний лес, прогалины и болото. И здесь стоит наша избушка.

Другой полуостров — напротив — более открытый и светлый. Там расположен хутор Норден, и пшеничные поля, словно светло-желтые одеяла для пикника, виднеются между извилистыми грунтовыми дорогами.

Я перевожу взгляд на озеро и пытаюсь разглядеть контуры небольших островков, словно ставших на якорь кораблей. Ближайший островок по форме напоминает кита. Это Юнгфрун. Он совершенно гол — лишь камни, скалы и гора; там гнездятся тысячи чаек.

Другой островок похож на каравай. Это Фьюк. Конечно же, есть еще множество других островков, но их отсюда не видно. Своими концами они наползают друг на друга. В народе говорят, что никогда не знаешь, где в следующий раз окажется этот Фьюк. Иногда он, словно мираж, маячит на горизонте, поднимаясь на несколько метров над водой.

Я видел эти островки, когда был маленьким. Я мечтал о них. Представлял, что отправляюсь туда и исследую их. Но моя нога так ни разу и не ступила на их берега. Мореходы из нас с отцом никудашные.

Я рассматриваю свои грубые эскизы, но не чувствую удовлетворения. Много раз я пробовал рисовать острова. Но они словно избегают меня. В них есть что-то неуловимое, что-то невыразимое словами. Это невозможно нарисовать.

Это состояние всегда манило меня, я пытался уловить невидимое и перенести на бумагу. Настроение, чувства и все такое. Иногда художники упоминают особое освещение, за которым они охотятся. А я охочусь

за тем, что невидимо. Хочу научиться рисовать то, что нельзя высказать словами. Я рассказал об этом Гунилле Фаландер на лекции по изобразительному искусству. «Молодец, Адам. Нужно стремиться к звездам», — похвалила меня она.

В пристройке я нахожу рыбацкую сеть*. Тот, кто пользовался ей последним, должно быть, очень спешил — сеть лежит в большом пластиковом тазу, брошенная кое-как, словно ее только что вытащили из воды. Вся спутанная, нечищенная и непочиненная. Если не знаешь, что это рыбацкая сеть, никогда не догадаешься.

Я с сомнением смотрю на нее, но все же беру таз и выношу его во двор. Ставлю около веранды и после долгих поисков нахожу свободный конец и приступаю к утомительной работе.

Прикрепляю конец сети на гвоздь в веранде и растягиваю ее к площадке для сушки белья перед одичавшими кустами вишни. Там я разворачиваюсь и иду назад к дому. Сеть находится в плачевном состоянии. Длинные ряды ячеек похожи на перекрученные веревки. А те участки, которые мне удастся распутать и развернуть, такие дырявые, что я не могу удержаться от смеха. Но я уверен, что смогу их починить. На это потребуются уйма времени. Однако стоит попробовать. Все получится, если действительно этого хочешь.

* Ловля сетью строжайше запрещена в России. И это оправданно: рыба не гибнет в больших количествах. Да и насколько азартнее охотиться за рыбой с поплавочной или донной удочкой, спиннингом, а тем более — с нахлыстом!

Вечером на меня нападает зверский голод, и я вспоминаю, что не ел с самого утра. В доме горит лампа, значит, электричество снова дали. Я иду в просторную кладовую и взглядом изучаю ряды консервных банок. Выбираю одну из них, с белой фасолью. Ставлю на конфорку старую сковородку с высоким бортиком, нарезаю маленькими кубиками пол-упаковки бекона. Открываю консервным ножом жестяную банку. Когда кусочки бекона уже достаточно поджарились, добавляю фасоль и оставляю булькать на плите на несколько минут.

Я ем прямо со сковородки, сидя на мостках. Солнце клонится к западу и находится почти между Юнгфруном и Фьюком. Холодает, я натягиваю свитер.

Поев, я ложусь на живот, окунаю тарелку в чистую холодную воду и одной рукой мою ее. Стайка окуней испуганно прыскает в разные стороны.

— Не бойтесь, — шепчу я. — Это всего лишь я, Адам.

Через некоторое время окуни возвращаются и принимают поджедать остатки моего ужина. Я все лежу и наблюдаю за зеленоватыми рыбками. Вскоре я замечаю, что смотрю не на них, а на другое изображение, колышущееся на зыбкой поверхности воды. На свое расплывчатое отражение. Отражение Адама О.

— Иди есть, Адам! — кричит из дома Бритт.

Ее голос звучит совсем не так, как у мамы. Это не обычное приглашение к столу. В голосе Бритт нет ни тени теплоты. Ее крик может означать что угодно. Она всегда разговаривает со мной таким тоном. «Адам, почисти зубы!», «Спокойной ночи, Адам!», «Адам, марш отсюда!».

Но вместо того, чтобы послушно отправиться домой, я бегу в другую сторону. Прямо в зачарованный лес. Густые кусты принимают меня в свои объятия и скрывают от Бритт Бёрьесон.

Когда темнеет, я возвращаюсь в дом и сажусь за длинный деревянный стол у окна. С глухим гудением о стекло бьется шмель, я поднимаюсь, чтобы выпустить его. Давным-давно кто-то оставил окно приоткрытым, и мне приходится изрядно потрудиться, чтобы поднять раму. С внешней стороны отваливается крупный кусок краски. Шмель вырывается на волю и тонет в густых сумерках.

Я снова закрываю окно, включаю лампу и иду за книгой о графических законах перспективы, которую мне настоятельно советовала прочесть за лето Гунилла Фаландер. И хотя кроме меня здесь никого нет, мне трудно сосредоточиться. Такого рода книги никогда по-настоящему не интересовали меня. Они слишком сухие. Сомневаюсь, что это вообще возможно — научиться рисовать по книгам. Я так точно не смогу. Да и не хочу, поскольку мне важна вовсе не техника. Хотя понимаю, что она тоже необходима. «Нужно овладеть техникой рисования, чтобы однажды оставить ее позади», — сказала Гунилла, давая мне эту книгу.

Вдруг раздается стук в дверь, и от неожиданности я чуть не подпрыгиваю до потолка. Стук не был громким, но в полной тишине он прозвучал как выстрел.

Я не знаю, что делать. Первое, что приходит в голову, — это сбежать. Может, через кухонное окно? Меня

охватывает страх, хотя я понимаю, что нет никакой причины для паники.

Когда снова слышится стук, мне удастся взять себя в руки. Тот, кто стоит за дверью, уже видел в доме свет.

— Кто там? — кричу я испытующим голосом.

— Это Бьёрн... Бьёрн Арвнелль.

Я выхожу в тесноватую прихожую, включаю лампу над крыльцом и открываю дверь.

Мужчина на улице моргает от внезапного света. Он одет в джинсы и поношенный вельветовый пиджак, на ногах — шлепанцы. Под пиджаком — полосатый свитер с молнией на горле. Свитер ему явно великоват. На голове выдавшая виды кепка, когда-то она была в черно-белую клетку, а теперь бледно-серая от солнца и грязи. Лицо, напоминающее мордочку ласки, покрыто щетиной. Он пытается улыбнуться, показывает зубы и кивает мне.

— Я увидел, что в доме горит свет, — говорит он, — и сразу понял, что это ты.

Я ничего не отвечаю. Лишь киваю.

— Ты надолго?

— Еще не знаю. Может быть.

— Смотрю, ты и сеть привел в порядок? — Едва заметно он кивает на тонкую дымку, бегущую наискосок через двор. — Отлично сделано.

— С ней еще много возни.

— В любом случае я собирался застрять в ней, — говорит Бьёрн и внезапно громко смеется.

Повисает тягостная тишина. Я не знаю, что сказать. Бьёрн тоже. Мне кажется, он выглядит усталым.